

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Пусть, повторенье, пусть — не прекословь!
Он весь — как дух, как лепестки черешен.
Последний снег — последняя любовь.
Нет, первый снег так не бывает нежен...

Луч истончил и осветлил его,
И, разгранён на чёткие кристаллы,
Он дорог будет завтра, оттого,
Что был так тих
и что его не стало.

ЖИВИТЕ

Нет, это не парни, что держат в объятьях
Ухоженных девочек в ситцевых платьях,
Не пупс с леденцом за щекой.
Не фото с тюльпанами для “инстаграма”,
А тихое — с губ остывающих — “мама”,
Слетевшее в вечный покой.

А это — худющие, кожа да кости,
Из плоти и крови, из боли и злости
Ребята годов двадцати,
Которым не выжить бы, а продержаться,
Придёт подкрепление — и: “Бейте их, братцы!
А нам уж назад не дойти.
Коль есть он, на том повидаемся свете...”
А это — сожжённые заживо дети.
Там — проще дожидаться отца.
Вот он поднимается в красном тумане,
И тихо выходит навстречу маманя,
Водички даёт из корца...

Война бесконечна и вряд ли красива.
Наверно, они бы на наше “Спасибо”,
На залпы вечерних огней
Сказали: “Чего уж там, Маша и Витя.
Мы всё вам оставили. Только живите.
Живите, родные, дружной...”

ИВОВЫЙ ПРУТ

Лодка тычется в землю: “Хозяин, ты тут?”
И песок из овражка течением вымыт.
Только тронь эту лодку — и все оживут:
Запоют, засмеются и вёсла поднимут.

По воде разойдётся таинственный круг.
У реки и повадка, и память иная —
Быстрых ног, узловатых натруженных рук:
“Я теку не для вас и о них вспоминаю”.

Ивы склонятся ниже. Заблещет роса.
Земляничины луг припасёт до покоса.
Над рекой поплывут в тишине голоса.
И костлявый мальчонка с облупленным носом

Сломит тонкую ветку, чтоб выстругать лук,
Снимет клейкую кожицу, око прищурит,
Да и бросит лозину, почуявши вдруг,
Как заветная щука в корнях балагурит.

...Только тронь эту ветку — и все оживут,
Будто нас, а не их провожают на тризне.
Оголённый до зелени ивовый прут.
Запах жизни.

ЛЮБИЛА ТАК...

Профессор Смит не понимал Россию,
Хоть двадцать лет о Пушкине читал.
И вот его в который раз спросили:
— В ком видел Пушкин “милый идеал”?

Профессор вспомнил странную особу
(Таких зовут “святая простота”),
Которая клялась любить до гроба
Пригожего столичного шута.

Она детей наукам не учила,
Не услаждала музыкой сердец,
Всю жизнь она страдала и любила,
И тем одним снискала свой венец.

Не зная пялец, пряток, сплетен, кукол,
Блаженством чувства грезила одним.
Любила так, что свой медвежий угол
Вообразила садом неземным.

Она жила, как море, беспокоясь,
Бушуя пеной страхов и словес:
Любила так, что первый незнакомец
Ей показался ангелом с небес.

И все приличья жертвенно нарушив,
Она решила дело не умом:
Любила так, что собственную душу
Отправила любимому письмом.

А тот подумал: “Хорошо... Но это ж
Почти приказ просить её руки!..”
И, получив почтительное: “Нет уж...”
Она не стала расставлять силки.

Любила так, что, не сказав ни слова,
Была в Москву, как вещь, отвезена.
Любила так, что вышла за другого,
Решив, что будет век ему верна.

И вот, когда любимый с опозданием
Ей через годы нежный дал ответ,
Любила так, что, выслушав признание,
Ему в слезах пробормотала: “Нет”.

И такой сомнительной фигуре,
Которой без страданий мир не мил,
Чудачке, неумехе, просто дуре,
Поэт за что-то славу подарил...

...Когда его о Пушкине спросили,
Ответил он, что идеалов нет.
Профессор Смит не понял бы Россию,
Читай он Пушкина хоть двести лет...